

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д.82

ОТЗЫВ

официального оппонента

по диссертации Агаркова Константина Юрьевича «Политические технологии управления общественным мнением через социальные сети (на примере г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области)» по специальности 5.4.5. Политическая социология, представленную на соискание учёной степени кандидата социологических наук, выполненную в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-западный институт управления, кафедра социальных технологий

Представленная на оппонирование диссертация Агаркова Константина Юрьевича отличается научной актуальностью и практической значимостью по ряду параметров, которые определяются как запросами социологической теории (необходимость уточнения методологии оценки эффективности политических технологий в цифровой среде), так и потребностями политической практики (разработка научно обоснованных рекомендаций для проведения избирательных кампаний).

Подтверждая актуальность, диссертант во введении своего исследования отмечает, что наблюдается устойчивая тенденция снижения роли традиционных СМИ (радио, телевидения, печатной прессы) в политической коммуникации при одновременном росте медиапотребления в интернет-пространстве. По данным Mediascope, которые приводит автор, ежедневный охват интернета в России достиг 84%, а социальные сети и мессенджеры стали основным каналом получения новостей для значительной части населения.

В условиях высокой политической конкуренции политические акторы вынуждены искать новые, более гибкие и таргетированные инструменты воздействия на электорат. Социальные сети предоставляют такие инструменты, однако их эффективность остается предметом острых научных и практических дискуссий. Существующие исследования, как правило, либо ограничиваются описанием отдельных кейсов, либо фокусируются на количественных метриках (лайки, репосты), не отвечая на ключевой вопрос: как именно коммуникация в социальных сетях конвертируется в реальные голоса избирателей.

Еще одним важным аргументом в пользу актуальности темы исследования является то, что работа К. Ю. Агаркова предлагает комплексный, многоуровневый анализ, охватывающий федеральные, региональные и муниципальные выборы 2024 года, что позволяет не только зафиксировать текущее состояние проблемы, но и выявить устойчивые закономерности, зависящие от масштаба избирательной кампании. Это выгодно отличает рецензируемое исследование от большинства работ, посвященных данной тематике.

Диссертация К. Ю. Агаркова в целом обладает обоснованностью научных положений, выводов и рекомендаций, что обеспечивается несколькими факторами.

Во-первых, солидной теоретико-методологической базой. Автор корректно и последовательно применяет синтез классических и современных социологических теорий. Опираясь на работы М. Вебера, Ч. Р. Миллса, П. Бурдьё, П. Сорокина, Т. Парсонса, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, а также на труды современных российских исследователей (И. А. Ветренко, А. И. Соловьева, Г. В. Пушкаревой, Л. В. Сморгунова, С. В. Володенкова и др.), диссертант выстраивает рабочую теоретическую рамку, позволяющую рассматривать социальные сети как специфическое политическое поле (в терминологии П.

Бурдые) и одновременно как инструмент политической коммуникации (в рамках модели Г. Лассвелла).

Во-вторых, продуманным дизайном эмпирического исследования. Автор использует комплекс взаимодополняющих методов: количественный и качественный контент-анализ, сравнительный анализ, когортный метод, анализ документов (финансовых отчетов кандидатов), вторичный анализ данных социологических опросов (ВЦИОМ, Mediascope). Эмпирическая база исследования охватывает три уровня выборов, что обеспечивает репрезентативность и надежность полученных результатов. Особо следует отметить использование авторской методики оценки эффективности политической коммуникации, включающей такие критерии, как востребованность публикаций, частота выпускаемого контента, его качество, финансирование производства и распространения постов, а также подбор канала подачи информации.

В-третьих, строгой логикой изложения и верифицируемостью выводов, связанных с обобщением результатов эмпирического исследования. Положения, выносимые на защиту, и итоговые выводы диссертации в целом подкреплены эмпирическими данными, представленными в третьей главе..

Научная новизна диссертационного исследования К. Ю. Агаркова заключается в следующем:

1. Разработана авторская методика социологического изучения политических технологий в социальных сетях, позволяющая не только описывать коммуникационные стратегии кандидатов, но и оценивать их эффективность с точки зрения влияния на электоральное поведение. В отличие от существующих подходов, данная методика учитывает комплекс факторов: уровень выборов, ресурсную обеспеченность, качество контента и реакцию аудитории.

2. Эмпирически доказана зависимость эффективности политической коммуникации в социальных сетях от уровня выборов. Автор убедительно показывает, что гипотеза о прямой зависимости между активностью в социальных сетях и результатами голосования подтверждается только на региональном уровне (на примере выборов губернатора Санкт-Петербурга). На федеральном уровне (выборы Президента РФ) и муниципальном уровне (выборы депутатов Ленинградской области) такая зависимость либо отсутствует, либо имеет иную природу.

3. На основании проведенного исследования применительно к эмпирическим объектам для рассматриваемого временного периода выявлены и систематизированы объективные и субъективные факторы, определяющие успешность применения политических технологий в социальных сетях. К объективным автор относит время и место выборов, избирательную систему, заявившихся конкурентов; к субъективным — ресурсную обеспеченность, рейтинг кандидата, качество контента и правильность выбора каналов коммуникации.

4. Определены критерии оценки эффективности политической коммуникации в социальных сетях, включающие востребованность публикаций, частоту выпускаемого контента, его качество, финансирование продвижения и подбор канала подачи информации.

5. Сформулированы практические рекомендации по оценке эффективности использования социальных сетей для продвижения политического субъекта при высоком уровне политической конкуренции, которые могут быть использованы как политическими консультантами, так и самими кандидатами.

Замечания и дискуссионные вопросы.

В то же время, изучение текста диссертации показывает, что в работе присутствует значительно количество слабых мест и проблемных зон,

существенно влияющих на ее научную значимость и качество полученных научных результатов. Обозначим наиболее существенные из них, объединяя замечания в укрупненные проблемные группы.

Первую группу составляют проблемы, связанные используемым с теоретико-методологическим аппаратом и парадигмальным позиционированием работы.

Прежде всего отметим фактический уход автора от обозначения, в рамках какой социологической парадигмы, в рамках какой теоретико-методологической традиции выполнена диссертационная работа. Первый и второй параграф первой, по замыслу автора, теоретической главы представляют собой изложение позиций самых разных социологов, включая Вебера, Зиммеля, Парсонса, Штомпку, Дюкгейма, Бурдьё и др. Подчеркнем, изложению, а не сравнительному анализу и позиционированию применительно к предмету исследования. При этом автор не соблюдает ни хронологической ни парадигмальной логики в рассмотрении позиций этих исследователей. Нужно отметить, что данные теоретики работали в разных социологических парадигмах, одни исходили из традиций социологического реализма, другие – номинализма, одни развивали структурные, другие – интерпретивные парадигмы. И это означает, что их методологические установки принципиально не совпадают. Однако автор не только обходит это обстоятельство стороной, но даже не пытается в итоге, скажем, в заключении главы обозначить к какой социологической парадигме он предполагает отнести предлагаемый в диссертации подход.

Во-вторых, очень серьезные вопросы вызывает широко используем в диссертации категория «социологического подхода». Уже в первом положении, выносимом на защиту, автор пишет «Анализ научных работ в области политических технологий показывает, что данную область необходимо изучать с применением социологического подхода». (с. 18). Далее

этот термин используется на с. 31, 37, и др. На с. 30 встречается оборот «социологическое понимание», на с. 34 - оборот «С социологической стороны...», на с. 35, 39 – оборот «В социологическом измерении»..., на с. 91 – оборот «С социологической точки зрения. Эти примеры можно продолжать. Однако в тексте диссертации не приводятся сущностной характеристики этих понятий. В итоге нераскрытой остается природа предлагаемого «социологического подхода», его предмет и методологические основания, отличие от иных подходов, скажем политологического и социально-психологического. Также не раскрыты широко используемые категории «социологического измерения», «социологического понимания», «социологической точки зрения». Те же отдельные положения, которые содержатся в тексте, не представляются нам обоснованными. Так на с. 37 автор пишет: «Социологический подход политических технологий включает в себя конструирование последовательности применения стереотипов, интуицию, практический опыт и индивидуальные особенности объекта к восприятию мира». С нашей точки зрения, данное понимание релевантно не социологическому, а социально психологическому подходу, который делает акцент как раз на психологических особенностях социальных субъектов. Социологический подход к политическим феноменам имеет иную природу. Также мы не можем согласиться с цитируемым на с. 28-29 тезисом о том, что «социологический подход к смыслу политических технологий - это набор наиболее целесообразных приемов в работе политической системы, направленных на достижение желаемого результата». Социологический подход к политическому, равно как и любому социальному феномену, очевидно, неэквивалентен простому набору каких-бы ни было приемов. Как следует общей теории познания, подход – это подход, а технологические приемы – это приемы.

В-третьих, мы не можем согласиться с приводимой в диссертации интерпретацией веберовского подхода к категории власти и, в частности

легитимного господства. На с. 40 автор пишет «Одну из концепций власти предложил немецкий социолог М. Вебер, который рассматривал природу власти через призму государства». Представляется, что такая интерпретация существенно редуцирует подход Макса Вебера к категории власти и господства, в его понимании социальная природа власти носит более широкий и универсальный характер, чем только то ее измерение, которое связано с государственной формой социальной организации. Также вызывает вопросы авторская трактовка социологии власти М. Вебера, приводимая на с. 45: «В понимающей социологии Вебера люди осмысленно пытаются решить свои запросы, благодаря призывам политиков, находящих у них отклик». Хотелось бы понять, в какой из работ немецкий социолог писал о том, что люди пытаются решить запросы, благодаря призывам политиков.

В-четвертых, мы не можем согласиться с предлагаемой автором трактовкой статуса и метода теоретической социологии. На с. 48 автор пишет: «Теоретическая социология общественных процессов в своих рассуждениях старается придерживаться «сверхрефлексивной» позиции, расположенной как бы над обществом». Что такое «над обществом», что такое «сверхрефлексивность» далее в тексте не разъясняется, аргументов или авторитетных ссылок в пользу этого вывода не приводится.

Вторую проблемную зону рассматриваемой диссертации составляют подходы к рассмотрению категорий политических технологий и манипулятивных технологий.

Во-первых, отметим здесь, что автор цитирует множество дефиниций политических технологий, но так и не формулирует их полноценного авторского определения.

Во-вторых, представляется недостаточно аргументированной авторская трактовка незаконных политических технологий. Так, на с. 75 к их числу

предложено относить клевету, подкуп, фальсификации. Хочется спросить автора, насколько уместно считать клевету, фальсификации и т.п. подпадающими под все родовые признаки политических технологий. Полагаем, что если продолжать эту логику, то можно далеко зайти.

В-третьих, в тексте второй главы диссертации имеет место постоянное использование разных терминов для обозначения, видимо, одного и того же феномена. В одних случаях автор пользуется термином «манипуляция», в другом - «манипулирование». В условиях отсутствия операциональных дефиниций этих понятий, непонятно, считает ли автор их семантическими эквивалентами.

В-третьих, крайне сомнительной и в отдельных случаях этически уязвимой выглядит авторская логика рассмотрения истории развития манипулятивных технологий. Так к числу манипуляторов в диссертации отнесены классики античной публичной коммуникации Сократ и Демосфен. Но особую озабоченность рецензента вызывает тот факт, что, работая в дискурсе анализа истории манипулятивной коммуникации, автор называет имена библейских персонажей Моисея и Иисуса Христа (с. 77). После упоминания Христа автор пишет «В Новое время манипуляция сознанием получила более развернутый и научный подход». Трудно здесь что-либо комментировать. Отметим, что далее в тексте в этом же дискурсе упоминается имя В. И. Ленина (с. 78). Хотелось бы порекомендовать соискателю очень аккуратно относиться к использованию сакральных тем и имен.

В-четвертых, мы не можем согласиться с приводимым на с. 86 диссертации тезисом, что «Одним из видов политических технологий является формирование общественного мнения о нечестных выборах». Формирование любого общественного мнения – это не технология, а продукт использования комплекса технологий, причем не только политических, но и социально-психологических, лингвистических, аудиовизуальных.

Третью проблемную зону рассматриваемой работы составляет недостаточная проработка автором проблематики теории и практики политической коммуникации, которой во многом посвящена вторая глава. Автор практически не опирается на современные модели коммуникации, ограничившись одной из исторических первичных и наиболее простых моделей – моделью Лассвелла. Модель Лассвелла, как известно, это односторонняя модель, не предусматривающая обратной связи. И получается, что автор противоречит сам себе, поскольку, рассматривая коммуникацию политического субъекта в социальных сетях, он постоянно указывает на ее двусторонний характер. И для описания таких процессов в теории коммуникации есть более современные и релевантные модели, к которым можно отнести модель Гербнера, циркулярную модель Осгуда-Шрамма, наконец транзакционную модель, подробно описанную в современной российской литературе. Однако автор ими не пользуется, а предпочитает линейную одностороннюю модель, что делает предлагаемую им трактовку базовой категории исследования внутренне противоречивой.

Также мы не можем согласиться с некоторыми трактовками характеристик и компонентов политической коммуникации, приведенных во второй главе диссертации.

Так, неточной и неполной является позиция автора по целям политической коммуникации. На с. 104 автор пишет: «Целями политической коммуникации могут служить императивные, оценочные высказывания или призывы к действию, состоящие вместе или по отдельности». Исходя из положений современной теории политической коммуникации, то, что приведено в данной цитате целями политической коммуникации не является. Целями здесь является воздействие на сознание и поведение политических аудиторий для формирования установок и организации политического действия в интересах политического субъекта - коммуникативного источника.

А то, что автор называет целями, на самом деле является средствами политической коммуникации.

Не соответствует современной теории политической коммуникации и трактовка автором категории способов и средств политической коммуникации (с.102-103). То, что автор называет этими терминами имеет отношение к категории каналов коммуникации, однако автор, несмотря на опору на модель Лассвелла, эту необходимую категорию не использует.

Автор некритически использует тезис Э.Дюркгейма о функционале социальных институтов и в результате формулирует неточный и не соответствующий реальным коммуникативным процессам тезис «Исходя из определения Э. Дюркгейма, очевидным является, что информационная повестка для общества задается заинтересованным политическим актором» (с. 103). В этой формуле, полагаем, есть несколько ошибок. Во-первых, сформулированный вывод не следует из тезиса Дюркгейма, равно как и из общего содержания цитируемой работы. Во-вторых, социальная практика, равно как и исследования показывают, что информационная повестка для общества может задаваться и неполитическими субъектами, а субъектами из экономической, социальной или культурной сферы, не говоря уже о том, что возможны случаи бессубъектной повестки, когда ее задают события и феномены природного происхождения – ураганы, цунами, иные стихийные бедствия.

Четвертую проблему зону рассматриваемой диссертации составляют неточные, либо ошибочные трактовки исторических событий и исторических личностей.

Во-первых, мы не можем согласиться с трактовкой социальной позиции В. И. Ленина перед октябрём 1917 года. На с. 52 автор пишет: «В. И. Ленин, будучи маргинальным лидером большевиков, через год оказался на вершине

политической пирамиды». С нашей точки зрения, ни партия большевиков к 1917 году не была маргинальной политической силой, ни В. И. Ленин не был маргинальным политическим лидером. Он был вполне легитимным лидером массовой политической партии и заметной фигурой в политической жизни Российской Империи того времени. Исторические документы и социальная практика подтверждает это.

Во-вторых, ошибочной является трактовка избирательной ситуации во время президентских выборов в России 1996 года. На с. 87 автор пишет: «Так было в начале демократического становления России, когда в 1996 г. избирательный штаб Б. Ельцина из основных политических конкурентов КПРФ формировал образ возврата к тоталитаризму и всеобщему дефициту». Как непосредственный участник этой кампании и как исследователь отмечу, что на самом деле образ возврата к тоталитаризму и дефициту штаб Ельцина связывал не с политическими конкурентами КПРФ, а как раз с самой КПРФ. А Б. Н. Ельцин как раз и представлял силы основных политических конкурентов КПРФ.

В-третьих, мы не можем согласиться с трактовкой осуществленной под руководством Фиделя Кастро «революции барбудос» 1961 года на Кубе как ненасильственной «бархатной» революции, тогда как автор упоминает ее на с. 99 именно в этом контексте.

В работе присутствуют технические погрешности, в ряде позиций отсутствуют необходимые ссылки, немало грамматических и стилистических ошибок.

Полагаем, что высказанные замечания требуют развернутой дискуссии в ходе защиты. И в тоже время, они не снижают в целом скорее позитивной оценки диссертационного исследования.

Диссертационное исследование Агаркова Константина Юрьевича на тему «Политические технологии управления общественным мнением через социальные сети (на примере г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области)» является самостоятельной, завершенной научно-квалификационной работой,

в которой содержится решение важной научной задачи - разработки методических основ оценки эффективности политических технологий в социальных сетях на выборах различных уровней.

Работа обладает внутренним единством и логичной структурой, эмпирическое исследование проведено. Автореферат и публикации автора (5 статей в журналах из перечня ВАК и РИНЦ, а также материалы конференций) в полной мере отражают содержание диссертаций. Основные результаты исследования апробированы на 13 международных и всероссийских научно-практических конференциях.

Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.4.5. – Политическая социология (социологические науки), а именно пунктам: «1. Специфика социологического подхода к изучению политических процессов и явлений»; «16. Электоральное поведение как форма политического поведения»; «18. Общественное мнение как системный элемент властных отношений»; «19. Мобилизационные и манипулятивные политические технологии в формировании и управлении общественным сознанием и общественным мнением».

Выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, в целом обоснованы, достоверны и обладают научной новизной. Практическая значимость работы заключается в возможности использования предложенных метрик и рекомендаций для повышения эффективности избирательных кампаний.

Заключение: Диссертация Агаркова Константина Юрьевича «Политические технологии управления общественным мнением через социальные сети (на примере г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области)» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной проблемы, имеющей важное значение при оценке влияния социальных сетей при проведении агитации во время выборов, в ней содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития социологической науки и практики, что соответствует требованиям

Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказа от 30 апреля 2025 года № 02-763, приказ об изм. № 02-1313 от 10.07.2025; приказ об изм. 02-1794 от 17.09.2025; приказ об изм. №02-01364/001 от 01.07.2026 г.), а Агарков Константин Юрьевич заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата социологических наук по специальности 5.4.5. Политическая социология.

Официальный оппонент:

доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой связей
с общественностью в бизнесе
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет
«14» октября 2026 г.

Д.П.Гавра

Личную подпись *Гавра*
Александр Петрович
ЗАВЕРЯЮ
ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ

Краснова Е.П.

14.10.2026